Рецензии

Михаил А. Маяцкий

Лозаннский университет, Швейцария
ORCID: 0000-0002-6544-6260

Национализм естественный и фантазматический

Рецензия на книги: Tamir Y. (2019) Why Nationalism, Princeton: University Press; Mandelbaum M. (2020) The Nation/State Fantasy: A Psychoanalytical Genealogy of Nationalism, Cham: Palgrave Macmillan

doi: 10.22394/2074-0492-2021-2-232-240

Видимо, национализм относится к тем явлениям, о которых невозможно писать объективно: ситуация пишущего («откуда ты говоришь, товарищ?») неизбежно самым решающим образом сказывается на месседже. Но и ситуацию восприятия здесь также нельзя просто вычесть: и «куда/кому ты говоришь?», и «где я тебя слушаю?». Эта последняя ситуация в 2021 году в России может быть резюмирована так: пока главный оппозиционер сидит в тюрьме,

Маяцкий Михаил Александрович — доктор философии (Университет г. Фрибурга, Швейцария), научный сотрудник Лозаннского университета. Научные интересы: греческая философия, современная философия, теория медиа, проблемы субъективности, труда и досуга. E-mail: mmaiatsky@gmail.com

Michail A. Maiatsky — PhD (University of Fribourg, Switzerland), scientific fellow of the University of Lausanne. Research interests: ancient Greek philosophy, contemporary philosophy, theory of media, problems of subjectivity, labour and leisure. E-mail: mmaiatsky@gmail.com

его (былой) национализм становится новой темой и водоразделом в вопросах, нужно ли его поддерживать, является ли он альтернативой и проч., что, разумеется, устраивает власть (сколько бы амбивалентной ни была ее собственная позиция, если таковая имеется, по вопросу о национализме).

Я пишу рецензию по-русски, а поэтому вопрос перевода здесь неустраним уже в силу того, что «nationalism» и «национализм» являются одновременно переводческими эквивалентами и ложными друзьями переводчика. Но *перевод* здесь нужно, конечно, понимать шире, в смысле, включающем и перетолкование, применение, адаптацию, подстройку, прежде всего, с учетом знания/понимания того факта, что место восприятия рецензируемых книг здесь фатально отмечено столкновением, конкуренцией двух дискурсов: национализма и имперскости. Конечно, оба автора не пишут «из своих мест», а производят высказывания с известной нацеленностью на общезначимость. Если они там и сям касаются ситуаций, близких к «нашей», они нигде специально не останавливаются на русском/российском кейсе.

Рецензируемые книги вышли в престижных академических издательствах, но весьма различны по жанру. Книга Яэль Тамир не чисто академическая; это, скорее, политическое высказывание, что не удивительно, поскольку ее автор была долгое время активна в израильской политике, занимала министерское место, играла заметную роль на активистской сцене, в частности, как сторонница мирного диалога с палестинцами. После ухода из большой политики она занимается организацией науки и преподает в качестве приглашенного профессора, в частности, в Оксфорде.

Моран Мандельбаум — молодой исследователь, преподает в Килском Университете (Keele University). Тамир не упоминает Мандельбаума просто потому, что ссылается на других исследователей минимально; ее библиография обширна, но более или менее случайна. Мандельбаум же упоминает Тамир (как представительницу либерального национализма), но не потому, что она особо важный автор, а просто потому, что его библиография академически исчерпывающа (с той, разумеется, оговоркой, что остается англоцентричной). Мандельбаум держит в фокусе внимания все поле исследовательской литературы в многообразии школ, подходов и дисциплин (обилие ссылок местами откровенно мешает чтению), тогда как Тамир не входит в сложные теоретические дебаты, апеллируя преимущественно к незамысловатому противопоставлению (которое от этого порой кажется мнимым) между либералами (или глобалистами) и националистами.

Различие в жанрах очевидно, таково же и различие в подходах. Но есть между ними и маленькое, но сходство. Заявка Мандельбау-

ма представляется более радикальной: упомянуть в заголовке политологической монографии психоанализ означает навлечь на себя лишние громы и молнии. Особенно, если это упоминание, как мы увидим, вовсе не необходимо. На первый взгляд Тамир далека от таких новшеств; ее (прекрасный!) язык традиционен, и методы ее анализа зиждутся на здравом смысле с уверенностью, выдающей в ней некоторую (впрочем, завидную) теоретическую невинность. И все же работа Тамир острее и провокативнее, поскольку призывает впрячь в одну телегу либерализм и национализм, для чего предпринимает широкомасштабное «оправдание» национализма. И при этом она апеллирует к психологии! В этом, пожалуй, несомненное, хотя и единственное, сходство двух книг. Отсылка к психологии, правда, делает ее исследование еще более уязвимым для критики, поскольку свидетельствует о неиспорченности автора (бакалавра биологии и магистра политологии) чрезмерными философскими штудиями.

Для Тамир этничность, этноцентризм и в этом смысле национализм — это данность, часть человеческой природы или души. Пытаться воздействовать на нее — пустая трата сил. Тамир сочувственно приводит образ трехногого стула, взятый ею у социального психолога Роджера Брауна. Тот считает, что все межгрупповые конфликты опираются, во-первых, на этноцентризм, а, во-вторых, на склонность к ярлыкам. Обе эти характеристики естественны, соприродны человеку, и все попытки их изменить обречены на провал. Зато третья ножка данного стула — это распределение и вообще социальная (не)справедливость. И вот к этой-то ножке и нужно прилагать усилия по общественному изменению [p. 50, 51].

Итак, книга Тамир представляет собой политическое высказывание. Какового рода? Это в каком-то смысле оправдание национализма перед лицом либералов, с которыми, однако, у автора значительно больше общего, чем с ярыми/правыми националистами: «Эта книга написана в надежде, что нынешняя меланхолия и подавленность, царящая среди либералов, уступит место новому политическому сознанию, которое сможет привести к свежим политическим идеям и к более совершенным политическим механизмам» [p. XV]. Демократия в нынешнем ее либеральном изводе становится в глазах Тамир слишком утилитарным проектом и как таковая далее существовать не может или не должна. Мы еще увидим, правда, что и национализму она будет приписывать определенную утилитарность (на этот раз *хорошую*).

По мнению Тамир, ренессанс национализмов стал неожиданностью потому, что элиты оказались слепы к многочисленным знакам и сигналам. Кто не смог истолковать прозрачные намеки, будет вынужден столкнуться с твитами Трампа, лозунгами Ле Пен

и брутальными демонстрациями крайне правых, свидетельствующими, однако, о реальных проблемах [p. 4, 5]. И именно эта слепота заставила Тамир взяться за перо с тяжелым сердцем, поскольку ей предстояло дело по нынешним временам не очень почетное: «Не без колебаний я взялась за написание этого текста. Становясь на пронационалистическую сторону, автор рискует увидеть некоторые свои аргументы, поставленными на службу недостойной политики. Но страх быть использованным не должен останавливать нас, если мы считаем нужным привлечь внимание к каким-то веским аргументам» [p. 11].

Отсюда и программа книги: «Книга выступает в защиту национализма, напоминая, как он сформировал стиль правления и превратил период от окончания последней мировой войны до прихода неолиберального глобализма лучшими годами для самых малообеспеченных граждан в развитом мире. Кто-то возразит, что эти годы были такими удачными как раз потому, что национализм был подавлен, что и позволило расцвести либеральным демократиям. Мне же хотелось бы доказать обратное, а именно что многие достижения этого периода обязаны союзу между нацией и государством» [p. 5, 6].

Либералы и националисты радикально отвергают друг друга, а между тем им предстоит состоять в партнерских отношениях еще долгие годы. Взаимоотвержение — лишь невольное признание их тесной близости (говорит она, невольно квазипсихоаналитически подмигивая другому герою этой рецензии).

На мой взгляд, Тамир сближает, а местами и отождествляет национализм и идеологию национального государства и соответственно националистов и сторонников сильного государства (можно сказать «*национального* государства», но так ли уж это здесь релевантно?). Нынешнюю ситуацию в мире она расценивает ни больше ни меньше как «социальный и политический хаос» [p. 7]. Чрезмерность такой оценки становится ясной из того, что под хаосом она понимает, прежде всего, социальное расслоение на фоне слабеющего государственного регулирования и нарастающего усиления меж- и наднациональных факторов. На мой взгляд, такая тенденция несомненна, но какую задачу, кроме как служить риторическим красным словцом, выполняет здесь слово «хаос»?

В своем своеобразном и не лишенном парадоксальности похвальном слове национализму Тамир неизбежно идеализирует национализм. Не в том смысле, что она приукрашивает его, а в том, что отсылает к национализму идеальному, асимметрично противопоставляя ему либерализм реальный. Она обоснованно указывает на слепое пятно, в которое попадает (этно-)национальное в определенной левой (и *в этом смысле* либеральной) мысли. Этот упрек

(в частности, марксизму) в последние десятилетия стал, конечно, общим местом критики. Но при этом Тамир дает паре национализм/либерализм вполне классовый анализ. Она констатирует, что — кто бы мог подумать? — нации расколоты на имущих и неимущих (haves and have-nots) и что, грубо говоря, либерализм является идеологией имущих, а национализм — неимущих, или, как она их иногда называет, уязвимых (vulnerables): «скорее, чем видеть в национализме прибежище негодяя, нам следовало бы начать промысливать национализм как последнюю надежду обездоленного» [p. 141].

Здесь интересно различие в жанре высказывания: автор *констатирует* социальные различия внутри нации, но *призывает* к социальной солидарности (точнее, призывает либералов стать немножко националистичнее). Очевидно, что в первом случае она выступает исследователем, во втором — идеологом. С одной стороны, она ратует за общественную гомогенность, которая возможна только при условии «национальной» общности; с другой, подвергает вполне классовому анализу (растущее неравенство и проч.) современные национально-государственные общества, которым, надо полагать, их «нац-государственность» нисколько не помогла избавиться от социальной гетерогенности.

Эту двойственность сама Тамир разрешает очень спорным демаршем: утверждением, что верхи (элиты, имущие/haves) исповедуют либерализм-глобализм, а низы — национализм. Если XIX век знал «вину перед народом», то заря XXI века являет нам новый феномен «вины перед популизмом». Тамир напирает на то, что у национализма в его специфической современной форме популизма есть свои резоны (хотя, кажется, никто этого открыто не отрицает: действительно, чем популизм хуже каких угодно других идеологических явлений, а ведь *всем* им можно найти объяснение). А ведь понять — это, как известно, немножко простить? Тамир одобрительно цитирует определение популизма, данное данное Кас Маддом (правда, приписывая его Яну-Вернеру Мюллеру): это «нелиберальный демократический ответ на недемократический либерализм».

Другой принципиальной позицией автора становится ее утверждение, что национализм не относится к феноменам *иррациональным*, напротив, является продуктом особой рациональности, рациональности материального интереса: националистом быть выгодно. Мне это положение кажется противоречащим ее обвинению в адрес либерализма, который-де сводит всю социальную связь к утилитарности.

Будучи больше высказыванием, чем исследованием, книга Тамир не раз иллюстрирует собой тезисы Мандельбаума. Если Тамир утверждает, что национальное государство — оптимальная форма для существования народа/нации, то Мандельбаум как раз иссле-

дует генеалогию *фантазма* «идеальной конгруэнтности нации/государства» [p. V], генеалогию того «методологического национализма», который считает национальное государство «естественной и необходимой формой общества в Новое время» [p. 1]. Только такая «конгруэнтность» якобы гарантирует каждому данному обществу стабильность и прогресс, избавляет его от потрясений; только она ставит три компонента — народ, власть и пространство — в устойчивые отношения [p. 2]. Мандельбаум задается целью проанализировать дискурсивный и аффективный аппарат, делающий из этой конгруэнтности лейтмотив современной политики и международных отношений. Вслед за Жаком Лаканом (и лаканистами Славоем Жижеком, Яннисом Ставракакисом и др.) автор показывает роль фантазии, фантазматики в этом проекте. Эта роль обеспечивает ему динамику в «бесконечном предприятии» по преодолению нехватки и контингентности в вечном ожидании «грядущей полноты» [p. 3]. Он стремится таким образом дополнить психоаналитическим историко-социологический и конструктивистский подходы к проблемам национализма (Бенедикт Андерсон, Эрнест Геллнер). Бесконечность предприятия означает среди прочего, что идеал национальной конгруэнтности постоянно терпит неудачу, никогда не срабатывает (constantly fails [p. 5]), хотя пребывает в вечном становлении в многообразии практик [p. 43], оставаясь мощной «аффективной силой» (читай: опиумом народа). Будучи одновременно удачей и неудачей, идея конгруэнтности осуществляется через физически насильственную (истребление, переселение, принудительная ассимиляция) и дискурсивную гомогенизацию общества [p. 9]. Методологически Мандельбаум отказывается использовать пару нация/государство в качестве *инструмента*, поскольку она для него выступает объектом исследования и критики, причем объектом фантазматическим [p. 12]. Конгруэнтность оказывается фантазмом одновременно реальным и нереализуемым. Само национальное государство склонно списывать эту нереализуемость на счет внешней угрозы: риска агрессии, международной экономической конкуренции и т.п.

В оптике Мандельбаума подход Тамир выливается скорее «в натурализацию, чем проблематизацию национальных нарративов» [p. 13]. В своем подходе Мандельбаум видит не (подобно Тамир) панацею для лечения общественных язв, а концептуальное усовершенствование в дополнение и во исправление уже имеющихся теоретических средств. Так, он отталкивается от исследовательской парадигмы Эрнеста Геллнера, воздавая ей должное, но и указывая на ее лакуны или перекосы. Геллнеровская максима «одно государство — одна нация» превращается у ее создателя в антиисторическую и телеологическую аксиому, вытекающую из его (псевдо)

исторической трехчленки «охотники-собиратели — аграрно-письменные цивилизации — современное общество». Конгруэнтность и гомогенность современных обществ становится альфой и омегой схематизма Геллнера. Такой схематизм, по Мандельбауму, приписывает национальному государству ложно понятую субъектность как полную рефлективную самоподконтрольность. В пику Геллнеру Мандельбаум привлекает лакановское представление о расщепленном субъекте или даже о субъекте *как* расщепленности [p. 51]: «Не существует никакой самости или идентичности в эссенциалистском смысле слова, когда речь идет о национальных идентичностях; но в век страха и онтологической неуверенности понятна нужда в фантазматических посулах той стабильности, которую предлагают национализм и религия. Мы имеем дело, скорее, с бесконечными попытками искоренить отсутствие и невозможность идентичности, некоего бесспорного пристанища или *я*» [p. 52].

Общество ищет фиксированную, стабильную идентичность, тогда как она по определению фантазматична, текуча, спорна, эфемерна, невозможна. Для далеких от психоанализа читателей Мандельбаум уместно напоминает, что фантазм вовсе не является противоположностью реальности; он скорее заполняет фатальную пустоту, придает реальности смысл. Идентитарно-националистический фантазм (здесь автор примыкает к Жижеку) всегда «ходит парой». Фантазм-1 отсылает к единому и объединяющему нарративу национальной истории, к «нашим» корням, к «нашим» совместным усилиям по осуществлению «нашего» предназначения. Фантазм-2 конструирует препятствие, того Другого, чье существование и постоянное вмешательство в «наши» дела как раз и обусловливают «нашу» неспособность реализовать «наш» потенциал и стать единым народом.

Конфликт двух этих фантазмов очерчивает сценарий вечной «утраты былого величия», этого аналога наслаждения (jouissance), которое *всегда уже* (schon immer, toujours déjà) потеряно, украдено. Желание может удовлетворяться лишь частично и временно (тотальная мобилизация, праздники, парады, организация национальной памяти, апофеоз национальной символики). Вне этих редких и коротких моментов оно наталкивается на фрустрацию невозможности удержания «мыйности/нашести» (we-ness).

В следующих за собственно психоаналитической главах Мандельбаум, как и обещает, прослеживает генеалогию сближения-отождествления, «конгруэнтности» нации и государства. Его генеалогия, однако, заведомо и сознательно выборочна: за Гегелем следуют Джеймс и Джон Стюарт Милль (с их тезисом об обусловленности представительной демократии этнической гомоген-

ностью), далее Токвиль. Согласно автору, дискурс конгруэнтности хорошо вписывается в целую панораму эволюционно-органицистских идей от Дарвина и братьев Гримм до Ренана и даже до Макса Вебера.

Избранный подход позволяет ему нюансировать взгляд на Гегеля: вслед за Жижеком, Малабу, Авиньери и др. он находит в Гегеле не апофеоз государства как такового, а специфически модерновую амбивалентность невозможности и вместе с тем желания конгруэнтности народа и власти. Далее автор показывает, как конгруэнтность нация-государство является определяющей для «традиционной теории международных отношений». Эта конгруэнтность закрепляется уже самим предикатом «international» как основа любой межнациональной (в смысле межгосударственной) регламентации и (исподволь и негласно) как легитимация самого отождествления нация=государство. Что до методологической заявки книги, то у меня сложилось впечатление, что психоаналитический инструментарий свелся к двум-трем понятиям (расщепленный субъект, фантазм, нехватка) и в таком виде оказался слишком общим: для конкретного разбора проблем автор вынужден переходить на язык условно политологический.

Обе книги, несомненно, полезны и поучительны. Обе могут читаться и как вклад в современные дебаты, и как введение в них. В начале рецензии я упомянул одно их, скорее анекдотическое, сходство: если Мандельбаум считает свой подход психоаналитическим, то Тамир тоже апеллирует к психологии, правда, наивно. Пришло время найти и другое сходство: обе они обманывают ожидания. Тамир, анонсируя реабилитацию национализма, посвящает наиболее убедительные страницы книги социальному и даже, точнее, *классовому* анализу, ровно тому, который, по ее оценке, так ошибся в оценке национализма и его перспектив. Это не единственное противоречие монографии. Агитируя за сближение либерализма и национализма, Тамир заявляет, что «время созрело» для нового национализма — разумного и доброго [p. 126], что не может не навести читателя на вопрос: а каким же был тогда старый национализм, которому автор пела осанну? Тамир трактует сепаратистский национализм то как позитивный («здоровый», «продвинутый», savvy [p. 10]), то как негативный (поскольку он противостоит «национализму нуждающихся» [p. 151]).

Заявив в названии свой психоаналитический подход, Мандельбаум дает (очень фрагментарный) очерк становления: Гегель, отец и сын Милли, Токвиль, теоретики XX века (громкое слово «генеалогия» тут мало что меняет), корреляции нация/государство, однако психоаналитический момент в нем выступает лишь периферийно-факультативной арабеской.

Рекомендация для цитирования:

Маяцкий М.А. (2021) Национализм естественный и фантазматический. *Социология власти*, 33 (2): 232-240.

For citations:

Maiatsky M. (2021) Nationalism: Natural and/or Phantasmatic. *Sociology of Power*, 33 (2): 232-240.

Поступила в редакцию: 24.03.2021; принята в печать: 05.04.2021

Received: 24.03.2021; Accepted for publication: 05.04.2021